

Научная статья
УДК 343.1:341
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>

Сравнительный анализ понятий «доказательство» и «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан: отдельные источники доказательств

Джалилов Фаридун Музафарович

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, jalilov.f.m@bk.ru

Аннотация. Данная научная статья посвящена сравнительному анализу отличительных черт в понятиях «доказательство», «доказывание» и отдельных доказательств в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан. На основе материалов судебной практики выявлены особенности закрепления некоторых видов доказательств и представлены выводы, имеющие значение для научного сообщества. Целью данного исследования является выявление основных различий в определениях и понимании данных понятий в уголовно-процессуальном законодательстве указанных стран, а также анализ их влияния на процесс доказывания в уголовных делах. В частности, мы критически оцениваем широту установленного в российском законодательстве понятия «доказательства», имеющего существенное значение для определения точного перечня источников доказательств, что делает его универсальным, но отличающимся от нормы, установленной в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть полезны для дальнейшей оптимизации уголовно-процессуального законодательства и повышения эффективности правосудия как в зарубежном, так и в российском законодательстве с точки зрения соблюдения баланса частных и публичных правоотношений. Например, анализ зарубежного опыта позволяет выявить наиболее эффективные механизмы защиты прав подозреваемых и обвиняемых, а также оптимизировать процессуальные сроки и процедуру доказывания. Кроме того, полученные данные могут быть использованы для разработки новых мер, направленных на повышение доступности правосудия и обеспечения справедливого правоприменения.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, процесс доказывания, признаки доказательств, источники доказательств

Для цитирования: Джалилов Ф. М. Сравнительный анализ понятий «доказательство» и «доказывание» в уголовно-процессуальных кодексах Российской Федерации и Республики Таджикистан: отдельные источники доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 4 (68). С. 193–198. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>.

Original article

© Джалилов Ф. М., 2024

Comparative analysis of the concepts of “proof” and “proving” in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: individual sources of evidence

Faridun M. Jalilov

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, jalilov.f.m@bk.ru

Abstract. This scientific article is devoted to the comparative analysis of the distinctive features in the concepts of “evidence”, “proving” and individual evidence in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan and the Russian Federation. Based on the materials of judicial practice, the features of securing certain types of evidence are identified and conclusions are presented that are important for the scientific community. The purpose of this study is to identify the main differences in the definitions and understanding of these concepts in the criminal procedure legislation of these countries, as well as to analyze their impact on the process of proof in criminal cases. In particular, the researcher critically evaluates the breadth of the concept of “evidence” established in Russian legislation, which is essential for determining the exact list of sources of evidence, which makes it universal, but different from the norm established in the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan.

The results obtained in the course of the study can be useful for further optimization of criminal procedure legislation and increasing the effectiveness of justice both in foreign legislation and in Russia in terms of maintaining a balance of private and public legal relations. For example, analysis of foreign experience allows us to identify the most effective mechanisms for protecting the rights of suspects and accused persons, as well as to optimize procedural deadlines and the procedure for proving. In addition, the data obtained can be used to develop new measures aimed at increasing access to justice and ensuring fair law enforcement.

Keywords: criminal procedure, evidence, process of proof, features of evidence, sources of evidence

For citation: Jalilov F. M. Comparative analysis of the concepts of “proof” and “proving” in the criminal procedure codes of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan: individual sources of evidence. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 4 (68), pp. 193–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2024-4-193-198>.

Уголовно-процессуальное доказывание является областью непрерывающегося интереса со стороны законодателя, доктрины и правоприменительной практики. Без доказательственной деятельности как основного уголовно-процессуального института уголовный процесс не имеет смысла, потому как процесс доказывания играет ключевую роль в уголовном судопроизводстве. Это связано в первую очередь с тем, что вся процессуальная и практическая деятельность участников уголовного процесса направлена на собирание и представление доказательств по уголовному делу, которые могут свидетельствовать о виновности или невиновности лица, обвиняемого в совершении преступления.

Доказательства. В законодательстве Российской Федерации доказательствам посвящен раздел III (глава 10) Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ). В статье 74 УК РФ под доказательствами понимаются *любые сведения*, на основе которых уполномоченный орган или должностные лица в порядке, определенном УПК РФ, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств,

подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1].

Стоит отметить, что в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Таджикистан (далее — УПК РТ) в разделе III (глава 9) в статье 72 раскрывается понятие «доказательства» несколько под иным углом. Под доказательствами понимаются *фактические сведения*, на основе которых в порядке, определенном УПК РФ, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела [2].

Проблему неопределенности терминологической конструкции дефиниции «доказательства» в российском уголовно-процессуальном законе отметила С. В. Корнакова, которая подчеркнула: «глаголы «принимаются» «допускаются» и «могут считаться» имеют несколько иное значение, нежели глагол «являются» [3, с. 151]. Разделяя данную точку зрения с автором, мы полагаем,

что основное отличие заключается в смысловой нагрузке дефиниций.

В отличие от фактических сведений, закрепленных в УПК РТ, любые сведения шире по своему значению и включают в себя не только фактические данные, но и любую другую информацию, прямо или косвенно имеющую значение для расследования уголовного дела. В то время как фактические сведения, по нашему мнению, уже несут в себе конкретные (доказанные) факты о событиях, которые уже проверены и достоверность которых не вызывает сомнений и их можно использовать для получения итоговых знаний об обстоятельствах, которые входят в предмет доказывания.

В этой связи, солидаризируясь со С. В. Корнаковой, следует отметить необоснованную широту термина в российском уголовном процессе, который, казалось бы, должен быть универсален и «проигрывает строгости и четкости формулировок анализируемых норм закона». Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что понятие «доказательство» в уголовном процессе России и Таджикистана имеет определенные различия, выражающиеся в широте представленных сведений в виде любых сведений и фактических данных. При этом их роль и значимость в уголовном судопроизводстве равнозначна и каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Следующий отличительный элемент доказательств в законодательстве Республики Таджикистан, рассмотренный в части 2 статьи 72 УПК РТ, перечень доказательств, несущественно, но отличающийся от российского, закрепленного в части 2 статьи 74 УПК РФ. Наиболее интересными источниками доказательств являются скрытые записи, прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, а также электронные видео- и аудиозаписи наблюдения [2].

Скрытые записи в УПК РТ упоминаются лишь в анализируемой нами статье, и отдельных требований в уголовно-процессуальном законодательстве такого же вида доказательств не представлено. С другой стороны, мы полагаем, что под скрытыми записями следует понимать звуко- или видеозапись, сделанную без ведома лиц, с которыми проводится диалог, и без их предварительного согласия. Соглашаясь с В. А. Семеновым, следует отметить, что особенности процессуальной формы данных доказательств не предусмотрены в УПК РТ. Кроме того, их определение также отсутствует в Законе об оперативно-розыскной деятельности [4, с. 79]. Поэтому

актуализируется вопрос о том, насколько правомерно и эффективно на практике используется данный вид доказательств.

Проводя аналогию с гражданским судопроизводством, следует отметить, что в процессе доказывания скрытая запись является допустимым доказательством в тех случаях, когда о ней было сделано предупреждение. Однако в таком случае фактор «скрытности» ставится нами под сомнение. Так, например, абзац 2 статьи 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) трактует: «способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения» [5]. То есть видеосъемка или аудиозапись могут быть использованы в качестве самозащиты лишь в том случае, если есть факт или угроза нарушения частных прав лица. Например, в уголовном деле № 1-355/2019 гражданин А совершил деяние, предусмотренное пунктом «б» части 2 статьи 158 УК РФ, что подпадает в зону видимости скрытых камер видеонаблюдения, установленных на территории склада. Суд признал данные записи допустимыми и приобщил их к материалам уголовного дела.

В российском уголовном судопроизводстве рассматриваемая правоприменительная практика неоднозначна. Но зачастую доказательство признается допустимым в тех случаях, когда преступления носят латентный характер, поскольку тогда умысел видеосъемки направлен на обеспечение личных нужд по охране принадлежащего лицу имущества или охраны других (частных) правоотношений. Скрытые записи используются при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые впоследствии надлежащим образом приобщаются к материалам уголовного дела и используются в качестве доказательств. Однако в данной ситуации результаты оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) приобщаются надлежащим образом и производятся до возбуждения уголовного дела.

В качестве примера следует выделить уголовное дело № 1-9/2023 в отношении гражданина N и гражданина M, которым инкриминируется деяние, предусмотренное пунктами «а» «б» части 6 статьи 171.1 УК РФ. В процессе поступления оперативной информации сотрудниками полиции было проведено оперативно-розыскное мероприятие «Проверочная закупка», результаты его надлежащим образом были признаны в качестве доказательств по делу: аудиофайл с фонограммой разговора и видеофайл с мероприятия [6]. Отметим, что надлежащий

механизм приобщения материалов видеосъемки играет ключевую роль в признании данного доказательства допустимым.

Полагаем, чтобы скрытые записи были признаны судом как законные и допустимые, необходимо учитывать следующие аспекты: 1) сбор информации должен быть осуществлен в рамках установленных законом полномочий и процедур; 2) уважение и соблюдение прав и свобод человека, включая право на неприкосновенность частной жизни; 3) целостность доказательств, которые подразумевают надлежащее сохранение в целостности и надлежащее приобщение к материалам уголовного дела с целью обеспечения их достоверности и неподдельности; 4) надлежащая форма: скрытые записи должны быть представлены в удобочитаемой и понятной форме, чтобы суд мог оценить их содержание и достоверность.

Прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры, закрепленные в части 2 статьи 72 УПК РФ, напоминают больше следственное действие «контроль и запись телефонных переговоров», закрепленное в статье 186 УПК РФ, поскольку даже в отдельных статьях законодательства Республики Таджикистан упоминание данного доказательства также используется лишь раз, в то время как аналогичное следственное действие охраняется уголовно-процессуальным законодательством и возможно лишь с санкции суда или прокурора (в ст. 35, 81, 168 УПК РФ). С целью осуществления прослушивания телефонных разговоров в рамках возбужденного уголовного дела необходимо получить соответствующее судебное разрешение и следовать определенным процедурам, чтобы обеспечить соблюдение законов о праве на конфиденциальность и частную жизнь граждан (ст. 35 УПК РФ).

По справедливому замечанию П. С. Абдуллова, указанные виды доказательств могут послужить стиранию грани между доказательствами и результатами ОРД, поскольку результаты ОРД могут служить лишь основой формирования доказательств [7, с. 107]. Полагаем, что данный вид доказательств нельзя полноценно считать доказательствами в связи с особенностями его процессуальной формы и дальнейшими процедурами их приобщения. В связи с этим целесообразно их считать «иными процессуальными действиями», по результатам которых в уголовное дело приобщаются материальные носители информации, имеющие значение для уголовного дела (например, фонограмма).

Иначе на данную проблему обращают внимание А. М. Новиков и С. Н. Хорьянов, поскольку считают, что результаты ОРД служат направляющими сведениями для производства следственных и иных процессуальных действий уполномоченным должностным лицом и могут свидетельствовать о наличии фактических данных, которые подтверждают обстоятельства, указанные в статье 73 УПК РФ [8, с. 435]. Тем не менее немаловажным фактором в признании вещественного доказательства как допустимого и достоверного следует назвать объективизацию доказательств на материальный носитель, потому как именно его будут приобщать к уголовному делу в качестве вещественного доказательства по пункту 3 части 1 статьи 81 УПК РФ.

В Российской Федерации нет выработанной и единой позиции в правоприменительной практике относительно допустимости такого доказательства, как прослушивание и фиксация телефонных разговоров, поскольку согласно статье 84 УПК РФ их можно приобщить к материалам уголовного дела в качестве иных доказательств. А также согласно пункту 14.1 статьи 5 УПК РФ контроль телефонных и иных переговоров состоит из четырех комплексных действий: прослушивание, запись, осмотр и прослушивание [1].

Электронные видео- и аудиозаписи наблюдения представляют собой записи, осуществляющиеся с использованием специальных технических устройств и средств: видеокамеры, аудио- и звукозаписывающее оборудование и другие аналогичные средства. Полагаем, примером использования в доказывании таких технических устройств может послужить запись или фиксация следственного действия с помощью технических средств (ч. 2 ст. 172 УПК РФ, ч. 2 ст. 166 УПК РФ) или фиксация деталей совершения деяния посредством видеорегистратора или камер видеонаблюдения, которые надлежащим образом изъяты и приобщены к материалам уголовного дела. В качестве примера следует рассмотреть уголовное дело № 77-832/2020 в отношении гражданки С обвиняемой по части 3 статьи 264 УК РФ. В настоящем случае суд признал видео с камер наблюдения допустимым доказательством, где запечатлено, что обвиняемая виновна в смерти пешехода [9].

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для нашего исследования:

1) существенные отличия в видах доказательств Российской Федерации и Республики

Таджикистан заключаются в различных подходах к их закреплению и отражению;

2) вышеизложенное не исключает возможности их приобщения к материалам уголовного дела, поскольку рассмотренные источники вполне подпадают в качестве доказательств, закрепленных в рамках «иных документов» или «протоколов следственных и судебных действий», предусмотренных частью 2 статьи 4 УПК РФ.

Доказывание. Статья 85 УПК РФ регламентирует, что процесс доказывания состоит в системной совокупности трех основных действий: собирания, проверки и оценки доказательств в целях установления обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ [1]. При этом механизм приобщения некоторых данных все еще остается под вопросом, потому как в российском законодательстве частью 2 статьи 84 УПК РФ регламентировано, что в качестве материального носителя информации представляется документ (в письменном или в ином виде), приобщающийся к уголовному делу.

С технологическим развитием и распространением электронных и цифровых средств коммуникации возникают новые типы доказательств, такие как аудио- и видеозаписи, электронные сообщения и другие электронные документы. В связи с этим возникает необходимость адаптации законодательства к новым реалиям. Например, рассматриваемые нами источники доказательств Республики Таджикистан в виде скрытой записи, прослушанных и зафиксированных телефонных переговоров, а также электронных видео- и аудиозаписей наблюдения представляют интерес, поскольку данные доказательства не нашли регламентации. В настоящее время в правоприменительной практике полученные материалы видеокино-фотосъемок отправляют на экспертизу с целью проверки достоверности и неподдельности, а впоследствии признают их в качестве доказательств по делу в связи с полученным заключением специалиста или эксперта.

В 2021 году в УПК РФ была введена часть 1 статьи 85, где указаны аналогичный российской системе процесс доказывания, а также перечень обстоятельств, который подлежит доказыванию при производстве по уголовному делу. Стоит оговориться, что в случае с некоторыми доказательствами в законодательстве Республики Таджикистан, которые мы рассматривали выше, необходимо предоставить органам суда убедительные данные о законности, их надлежащей форме и релевантности для

данного уголовного дела. По нашему мнению, намеченные нами проблемы требуют дальнейшего детального рассмотрения и осмысления, поскольку данные источники доказательств не регламентированы и могут представлять дальнейший интерес для теории доказывания.

Таким образом, анализируя процессуальные аспекты теории доказательств Российской Федерации и Республики Таджикистан, стоит отметить следующее:

1. Процесс доказывания имеет ключевое значение в производстве по уголовному делу, поскольку позволяет выявить истину в уголовном деле, что является основополагающим звеном для вынесения обоснованного и законного судебного решения с целью защиты участников уголовного процесса.

2. Единообразный подход к пониманию сути доказательств и процесса доказывания в уголовном процессе позволит избежать ошибочных судебных решений и неправомерного осуждения невиновных лиц. Поэтому считаем целесообразным уточнить особенности механизма приобщения видео- и аудиозаписей в качестве доказательств по уголовному делу по аналогии со статьей 84 УПК РФ, поскольку в законодательстве Республики Таджикистан выявлено отсутствие нормы, отражающей механизм такого приобщения.

3. Полагаем, что доказательства, закрепленные в части 2 статьи 72 УПК РФ, а именно: «скрытые записи», «прослушанные и зафиксированные телефонные переговоры», а также «электронные видео- и аудиозаписи наблюдения» следует признать в качестве «иных процессуальных действий», так как их правовая природа больше схожа со следственными действиями или с оперативно-розыскными мероприятиями и они могут послужить основой формирования доказательств в уголовном процессе. И, как следствие, полученные в ходе данных процессуальных действий фактические данные, имеющие релевантное значение для расследуемого дела, следует признавать доказательствами, полученными из «иных документов».

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от 28 июня 2023 года) // Российская газета. 2023. 20 июня.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (в ред. законов Республики Таджикистан от 22 июля 2013 года № 982, 983) // АМОПТ. 2009. № 12, ст. 816.

3. Корнакова С. В. Нормы о доказательствах и доказывании в уголовном процессе стран СНГ: сравнительно-правовой анализ // *Lex russica*. 2020. Т. 73. № 11. С. 148–156.

4. Семенов В. А. Процессуальные способы и формы собирания доказательств по Уголовно-процессуальному кодексу Республики Таджикистан // *Труды Академии МВД Республики Таджикистан*. 2018. № 1. С. 75–82.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // *Российская газета*. 1994. 8 декабря.

6. Приговор Заднепрпетровского районного суда г. Смоленска № 1-460/2021 1-84/2022 1-9/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-460/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0itVGyCDTVr/?regular-txt> (дата обращения: 12.06.2024).

7. Абдуллоев П. С. Понятие доказательства в уголовно-процессуальном праве России (актуальные вопросы) // *Вестник Московского университета*. Серия 11. Право. 2012. № 2. С. 99–109.

8. Новиков А. М., Хорьянов С. Н. Проблемы оценки и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания // *Актуальные проблемы государства и права*. 2022. № 6. С. 429–436.

9. Адвокатская газета: Верховный Суд Российской Федерации напомнил, что суд не вправе ссылаться на имеющиеся в уголовном деле доказательства без их исследования. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-chto-sud-ne-vprave-ssylatsya-na-imeyushchiesya-v-ugolovnom-dele-dokazatelstva-bez-ikh-issledovaniya/> (дата обращения: 12.06.2024).

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001. *Rossiyskaya Gazeta*, 2023, June 20. (In Russ.)

2. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan dated December 3, 2009 (as amended by the Laws of the Republic of Tajikistan. no. 982, 983 dated July 22, 2013.) AMORT. 2009. No. 12. Art. 816. (In Russ.)

3. Kornakova S. V. Norms on evidence and proof in criminal proceedings of the CIS countries: a comparative legal analysis. *Lex russica*, 2020, vol. 73, no. 11, pp. 148–156. (In Russ.)

4. Semenov V. A. Procedural methods and forms of collecting evidence under the Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan. Proceedings of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan. 2018. No. 1. Pp. 75–82. (In Russ.)

5. Civil Code of the Russian Federation (part one) no. 51-FZ of November 30, 1994. *Rossiyskaya Gazeta*, 1994, December 8. (In Russ.)

6. Sentence of the Zadnepetrovsky District Court of Smolensk no. 1-460/2021 1-84/2022 1-9/2023 of September 28, 2023 in case no. 1-460/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/e0itVGyCDTVr/?regular-txt> (accessed 12.06.2024). (In Russ.)

7. Abdulloev P. S. The Concept of Evidence in the Criminal Procedure Law of Russia (Topical Issues) Journal of Moscow University. Series 11. *Law*, 2012, no. 2, pp. 99–109. (In Russ.)

8. Novikov A. M., Khoryanov S. N. Problems of Assessing and Using the Results of Operational-Investigative Activities in the Process of Proving. *Current Problems of the State and Law*, 2022, no. 6, pp. 429–436. (In Russ.)

9. Advocate Newspaper: The Supreme Court of the Russian Federation Reminded That the Court Has No Right to Refer to the Evidence Available in a Criminal Case Without Examining It. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-napomnil-chto-sud-ne-vprave-ssylatsya-na-imeyushchiesya-v-ugolovnom-dele-dokazatelstva-bez-ikh-issledovaniya/> (accessed 12.06.2024). (In Russ.)